ОБРАЗ ДОМА В ОТРАЖЕНИИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ МЕТАФОРЫ

Описана система образов, формируемых на основе метафорического осмысления единиц семантического поля «дом» на материале русского литературного языка. Выявлены основные лексико-грамматические группы, активно вовлеченные в процесс метафоризации и концептуализации. Выделены наиболее важные сферы и области жизнедеятельности человека, осмысление которых находит словесное выражение в метафорических наименованиях.

Ключевые слова: концепт, метафора, семантическое поле «дом».

К числу универсальных средств создания языковой картины мира относится метафора. По мнению В.Н. Телия, метафора выполняет роль призмы, через которую совершается мировидение [1]. Она формирует некий образ и, когда человек именуется с помощью метафоры конкретные объекты или абстрактные сущности, перед ним возникает этот образ. В статье характеризуется система образов, формируемых на основе метафорического осмысления единиц семантической сферы «дом».

Дом – важнейший культурный концепт в человеческом сознании. Осмыслив и оценив себя, человек начинает переносить свой взгляд на наиболее близкое пространство, на то, что по сути является фрагментом действительности, воспринимаемым интуитивно. Человек начинает осмысливать личное пространство, члена и структурируя его, формируя определенные схемы для восприятия большого «дома» – мира в целом.

Дом – это один из основных архетипов славянской культуры, являющийся отражением представления человека о пространстве и его членении на «свое» и «чужое», «близкое» и «далекое». Человек, погружаясь в «свое», «близкое» пространство, начинает его осмысливать, определенным образом структурируя и членя его [2]. Это позволяет рассматривать семантическую сферу «дом» в терминах когнитивной науки, моделируя определенную стереотипную ситуацию восприятия данного феномена.

Предметом нашего исследования является образный компонент концепта «дом». Материалом для исследования послужили данные толковых словарей русского языка [3, 4] и «Национального корпуса русского языка» [5].

Концепт «дом» и его языковая репрезентации исследовался в работах Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Ю.М. Лотмана, Ю.С. Степанова, В.Н. Топорова, Е.С. Яковлевой, Т.В. Цивьян, А.П. Чудинова и др., рассматривавших его с позиции культурологической и лингвистической значимости. Человек всегда оценивал действительность с точки зрения ее полезности для себя, и подобный антропоцентризм не мог не найти отражения в лексике [1].

Анализ полисемии слова «дом» показывает ведущие направления осмысления концепта: дом и человек, дом и семья, дом и функционирование человека [4. С. 425]. Сфера «дом» хорошо знакома человеку, структурирована и имеет высокий семантический потенциал. Однако не все лексемы, репрезентирующие понятийную сферу «дом», являются источником метафорического осмысления. Описание регулярных моделей метафорических обозначений позволит выявить основные тенденции образного осмысления этого важного феномена культуры.

В когнитологии неоднократно упоминалось, что телесный опыт, социальные контакты человека во многом определяют структуру сознания человека и способ оценки окружающего мира. Поэтому тот предметно-чувственный образ, который возникает в результате визуального восприятия фрагмента действительности, связанного с пространством дома, позволяет осмыслить все его компоненты, в том числе и обстановки, и хозяина дома.

Ядро семантической сферы «дом» составляют лексико-семантические группы «Наименования дома», «Части здания» и «Внутреннее членение дома».

Группа «Наименования дома» представлена лексемами *гостиница, общежитие, изба, жилище, жилье, зимовье, зимовка, будка, шалаи, балок, землянка, дача, вилла, бунгало, барак, мазанка, халупа, хибара, хижина, лачуга, дворец, хоромы, замок, особняк, чертог* и пр. Человек именуется свои жилища исходя их принципа жизнеустройства, места и времени обитания, внешней характеристики здания, функциональных признаков. Наиболее значимыми при этом являются признаки функциональности и внешнего облика жилья. Данная группа не дает большого числа метафорических номинаций, однако актуализация определенных признаков позволяет интерпретировать другие фрагменты действительности в терминах этой лексико-грамматической группы.

Внешняя характеристика здания, предназначенного для жилья человека, дает антонимично противопоставленные примеры метафорического переосмысления: метафорическое расширение происходит по признаку богатства, великолепия или бедности: *И сколько вам встал этот дворец, если не секрет? (Форум на eva.ru); Вот он и существует на то, что сдает хоромы, а сам в сарайчике перебивается (Д. Донцова); Там, на седьмом этаже, меня ожидает милый уголок, обжитая берлога, вонючая халупа, доставшаяся мне после развода с Аленой (Е. Прошкин); Некий Аркаша обитал по соседству в жилище, которому трудно было бы подыскать название: хибара, логово, развалюха? (Б. Хазанов); Общага как раз по мне и мое – это как хижина; я не смогу охранять небоскребы (В. Маканин) [5].*

Признак «дороговизны» оказывается важным для человека, поэтому наименование гостиница используется в качестве наименования всего дорожного: *«Кроме того, аренда – это почти гостиница» (Строительство. 2004) [5].*

Следует отметить, что при наименовании жилищ с точки зрения их внешнего облика важным оказывается не только сам этот внешний вид дома, но и его функциональная сущность: пригодность или непригодность для жилья. Таким образом, на основе метафорического осмысления наименований внешнего облика здания образно характеризуются социальные возможности человека.

Метафорические номинации «обладают известным свойством обратного, рикошетного высвечивания» исходных значений через призму результативных метафорических значений: «Метафорические номинации такого типа свидетельствуют о том, что человек первоначально перенес свои свойства на мир, “приписал” объектам действительности свои собственные свойства. Затем, поместив себя и названные объекты действительности в одно смысловое пространство, отметил соответствие или отклонение от нормы, стандартов человеческого бытия и затем, уже на данной смысловой основе, осуществил отождествление человека с выявленными типами отклонения от норм человеческого бытия» [6. С. 290]. Так появились метафорические наименования жилищ человека, в своих исходных значениях обозначающие жилища животных: *конура, конюшня, свинарник, коровник* и пр.: *Это была убогая конура с испятнанными стенами, полуразвалившейся печью и почернелым от многолетней копоти потолком* (Л. Юзефович); *Это какой-то свиной хлев, а не жилище порядочных людей* (Д.Н. Мамин-Сибиряк) [5]. Человек свойство своей нечистоплотности «приписывает» животному, которое обитает в каком-то конкретном жилище, а затем ассоциирует жилище животных с грязными, необустроенными, а значит, непригодными для жизни человека помещениями.

Группу «Части здания» составляют лексемы *фундамент, остов, крыша, стена, потолок, лестница, окно, дверь, порог, угол, перегородка, подпора, простенок, кровля, кров* и пр. Метафорически переосмысляются прежде всего функции названных компонентов. При этом восприятие различных частей здания пересекается с архетипическими понятиями «свое – чужое», «близкое – далекое», «верх – низ», что и отражается в метафорической интерпретации данных наименований. Фундамент и остов воспринимаются как основа, самая существенная часть чего-либо. Без основы невозможно существование не только всего дома, но и других объектов, процессов и явлений: *Стоит вам написать брошюрку по любому крошечному вопросу – и вы уже ненавидите тех, кто закладывал фундамент и возводил стены германской науки* (В. Гроссман); *Это был только грубый набросок, болванка, воплощение голого принципа, остов мечты* (В. Набоков) [5].

Крыша, кровля, кров, стены – это обозначения материальных границ с внешним миром, которые защищают человека. Как показывает анализ метафорических номинаций, признак защиты оказывается основным при восприятии дома: *«Слава Богу, крыша у нас есть над головой»* (Б. Екимов) [5]. Возможность словоупотреблений «своя крыша», «чужая крыша» основывается на противопоставлении «свое – чужое». Человек делит все пространство мироздания на две большие сферы: «свое» пространство, которое отделено от «чужого» материальными вертикальными и горизонтальными границами. Признак разделения в исходных значениях слов *стена, перегородка* оказывается наиболее актуальным в сознании человека, что проявляется в системе метафорических номинаций социальной жизни человека. В метафорическом осмыслении *стена* – это то, что отделяет, разделяет кого-либо, что-либо; является препятствием к общению, единению кого-либо: *«Между вами встала*

стена, разрушить которую, кажется, может только чудо» (Лиза. 2005) [5]. И в то же время стена – это то, что защищает: *«Я была замужем 27 лет, и все это время рядом со мной было даже не плечо, а стена!»* (О. Дубова) [5]. В данном случае оказывается важным, по какую сторону находится человек: если внутри дома, то стена интерпретируется как защита от всего того, что вокруг и вне дома; если вне дома, то стена воспринимается как преграда.

Дверь, порог и окно – это тоже границы с внешним миром. В метафорических переносах *дверь* и *порог* предстают как вход и выход: *«Дверь в прошлое не открывалась»* (И. Грекова); *«–Я эту заразу больше на порог не пущу, – отвечает она, усаживаясь возле накрытого для предстоящей трапезы ящичка, – оказывается, он у меня поворовывал!»* (Ф. Искандер) [5]. Окно – это визуальный способ связи с внешним миром. В зависимости от местоположения воспринимающего субъекта (вне или снаружи дома) осуществляется понимание того пространства, в которое происходит «заглядывание»: *Подобно Питеру это – не город-крепость (у Петра такая роль была отведена Кронштадту, у Екатерины – Севастополю), но порт не дверь – окно»* (В. Перельмутер) [5]. Кроме того, *порог* и *окно* являются символами дома: *«На одной улице жили – окошко против окошка»* (Г. Владимов) [5].

Наименования *потолок* и *лестница* тоже относятся к группе обозначений внутреннего членения дома. Потолок и лестница выступают воплощением другого архетипического противопоставления: «верх» и «низ». Обычно «верх» связывается с положительным началом, а «низ» – с отрицательным [2. С. 100–101]. Однако *потолок* – это то, что является верхним пределом, выше которого подняться невозможно, это преграда, которая не позволяет «низзу» стать «верхом», что предопределяет формирование отрицательной оценки: *«У каждого человека есть свой «потолок»* (Ф.О.М. 2001) [5]. При метафорическом осмыслении *лестницы* оценка обусловлена направлением движения: *лестница* метафорически интерпретируется как объект, позволяющий «низзу» стать «верхом»: *«Эволюционная лестница рушится, не выдержав бедного полиглота, и все опять начинается с живоглота»* (Ф. Искандер); *«Пройдена длинная карьерная лестница, увенчанная высшим государственным постом»* (В. Дергач) [5].

Все материальные части дома, метафорически переосмысляясь, вписаны в культурный архетип пограничья, воспринимаются через функцию защиты личного пространства от того, что чуждо человеку, неизвестно и может быть враждебно. Однако если человек оценивает свои духовные и социальные возможности, всякого рода границы являются преградой. Когда человек находится вне «своего» пространства, то ему нужна осязательная защита от возможного негативного воздействия не-своего пространства. Ориентационная и структурная метафоризация (в терминах Дж. Лакоффа и М. Джонсона [7]), переплетаясь с культурными архетипами (в терминах Иванова, Топорова), дают сложный комплекс смыслов и оценок.

Группа «Внутреннее членение дома» соотносится с группой «Части дома», т.к. является лексической репрезентацией восприятия членения дома изнутри. Эта

группа представлена небольшим количеством лексем, вовлеченных в сферу активного метафорического переосмысления. Номинируя различные части «своего» пространства, человек выделяет наиболее важные для своей жизни его части, в первую очередь *очаг*, и помещает их в центр дома, что отражается и в метафорических наименованиях: *Даже семейный очаг не был от них изъавлен.* (Ю. Давыдов); *Немцы вряд ли начнут общее наступление, прежде чем не ликвидируют этот очаг сопротивления, их правило хорошо известно.* (В. Гроссман); *«Я не допущу, чтобы из-за прихоти бабованного сопляка кров и очаг моих предков осквернили непроносимые речи, – сказал он, с нескрываемым отращением глядя на сына»* (М. Семенова); *«Холодный очаг в доме – это не для него»* (И. Александров) [5]. Дом – это самое важное пространство для человека: здесь он рождается, живет и умирает, центр этого пространства становится символом всего дома, началом и необходимым условием существования любого дела. Очаг располагается на кухне. Кухня – особое пространство в жизни русского человека. Человек проводит много времени на кухне: готовит и принимает пищу; это место, где близкие люди собираются, разговаривают, решают проблемы. В этом смысле кухня – это символ дома, семьи, родства, близости. Однако для метафорического осмысления важным оказывается другой признак. На кухне происходит процесс приготовления кушанья. Гость видит уже результат, а процесс манипулирования сырьем оказывается скрыт. Признак скрытости от посторонних глаз и признак создания продукта оказываются основой для метафорического переосмысления, формирования нового смысла: *‘скрытая, закулисная сторона какой-либо деятельности’*: *«Во-первых, нам некуда было податься, в комнате жаждали счастья и единения Гужов и Чукина, во-вторых, нам была интересна кухня дешифровки»* (В. Синицына) [5].

Лексические наименования помещений в доме (кладовая, тайник, кухня, чердак, ниша, коридор, чулан и др.) также включают семантику отграничения, перегородиванием пространства. Но в данном случае членится уже внутреннее, «свое» пространство. В дом, в «свое» пространство, может заглянуть или зайти посторонний. Самое дорогое, равно как и самое постыдное, должно быть скрыто от возможных посторонних глаз. Признак скрытости выходит на первый план и служит основанием метафорического осмысления. Кладовая и тайник – это части в доме, которые не бросаются в глаза, но которые всегда присутствуют, человек в них хранит что-то нужное и укрывает некоторые вещи от постороннего взгляда. Метафорический перенос происходит в сферу психологическую, именуется различные сферы внутренней жизни человека, скрываемой и дорогой для субъекта: *«Как же не интересоваться людьми, когда в каждом – тайник примет, копилка суеверий»* (Улья Нова); *«Борису рассказывать – все равно что в тайник прятать, в нем умирает, кодексы мужской чести для него – святое»* (Е. Белкина); *«Но глубоко в душе есть холодный тайник»* (Л. Гурченко) [5].

Итак, метафорические наименования компонентов внутреннего пространства дома осуществляются в терминах вышеуказанных культурных архетипов.

На периферии семантического поля «Дома» располагаются группы «Строительство и ремонт дома» и «Обстановка в доме».

Группа «Строительство и ремонт дома» самая многочисленная. Осмысляя процесс строительства и ремонта своего жилья, человек придает огромное значение действиям, которые он совершает (*штукатурить, красить, строить, белить, конопатить, винтить, гвоздить, пилить, сверлить, буравить, клеить* и пр.), деталям, приспособлениям, инструментам и материалам, которые он использует (*стропила, арматура, мастерок, топор, пила, ножницы, тиски, клещи, гвоздь, краска, клей* и пр.). Сам процесс строительства и ремонта своего жилища оказывается настолько важным для человека, что наименования всех компонентов этих сложных процессов метафорически переосмысляются и составляют собой некую общую метафору жизни, ее устройства, содержания, при этом сам человек предстает как строящийся или ремонтируемый «дом». Человек, его отношения с другими людьми в разных сферах общения, состояния, чувства человека, его речь, его одежда обозначаются как компоненты единого процесса: *«Всё это порождало чувство всеобщей незащитности и вполне было способно окрасить жизнь в самые мрачные тона»* (С. Еремеева); *«Я всегда жил с ними, они привыкли ко мне, им трудно примириться с мыслью, что я их покину, и мне тяжело с ними расставаться, но надо строить свою жизнь»* (А. Рыбаков); *«При этом родители уверены: главное – пристроить ребенка, а там уж как-нибудь все утрясется»* (Домовой. 2002); *«И стал сверлить глазами Федула, но тот был как алмаз»* (Октябрь. 2002); *«Возникающее чувство похоже на строящийся дом, и хорошо, если кирпичами становится любовь, подкрепленная фундаментом уважения... Железная арматура – это постоянство. Мастерок – доверие, связывающее любовь с уважением. Стропила и свод – жизненные условия и обстоятельства. Штукатурка – вера, обладающая великой силой. Краска – мнение окружающего мира, способное либо поддержать, либо сокрушить»* (Г. Мнишек) [5].

Основанием для метафорического переноса являются функциональные признаки всех составляющих указанного процесса.

Группа «Обстановка в доме» включает лексические наименования, обозначающие мебель (*зеркало, светоч, светильник, стол, стул, тумба, кресло* и пр.), различного рода покрывала и занавески (*балдахин, ковер, покрывало, ширма, занавеска, полог* и пр.). Предметы, которые использует человек в своей жизнедеятельности, обычно имеют характерный только для них внешний вид, функциональную предназначенность, что зафиксировано в исходных значениях наименований, обозначающих эти предметы: *ширма* ‘складная переносная перегородка в виде рам-створок, в которых натянута материя или бумага’, *тумба* ‘подставка для чего-либо в виде столбика’, *зеркало* ‘гладкая, отшлифованная поверхность, отражающая находящиеся перед ней предметы...’ [4]. Именно признаки внешнего вида, функциональной предназначенности становятся основаниями для метафорических переносов. В результате метафорического переосмысления лексические наименования, обозна-

чающие различные объекты обстановки в доме, становятся наименованиями для самого человека и других объектов окружающего мира: «А Путин, насколько я это знаю, – не более чем **ширма** реального управления» (Завтра. 2003) [5].

Кроме того, различные предметы обстановки в доме, переосмысляясь, обозначают абстрактные понятия, такие как дружба («Дружба – **зеркало**, в котором человек видит себя» (В. Гроссман) [5]). Межличностные отношения и социальную сферу своей жизни человек также именуется, используя точные обозначения предметов обихода: «Пока обозреватели и аналитики спорят о том, когда транснациональные розничные сети выбьют **стул** из-под ведущих российских ритейлеров, не менее интересные события происходят на местах» (Бизнес-журнал. 2004); «Все к лучшему, Настенька, все к лучшему, нельзя слишком долго сидеть в одном и том же **кресле**, от этого происходит застой в мышлении. Вот осмотрюсь и найду себе занятие по душе. Пенсия у меня генеральская, выслуга – 35 лет, так что не пропаду» (А. Маринина); «Зачем ушла так рано, Молчания набросив **покрывало** на жуткий свой уход, Расскажет кто?» (Звезда. 2001) [5].

Проанализировав лексемы, образующие понятийное поле «Дом как жилище человека», можно сделать следующие выводы:

1. Лексические наименования, репрезентирующие названия жилища, обстановку в доме, внутреннее членение дома, его материальные параметры, внешний вид, процесс строительства и ремонта жилища, оказываются активно вовлеченными в процесс метафоризации и концептуализации.

2. Осмысливая и оценивая свой собственный дом, человек воспринимает себя, свою жизнь и мир вокруг своего дома, выделяя самые важные сферы и области жизнедеятельности. Это отражается в языковых номинациях: осмысление социальных возможностей человека находит словесное выражение в метафорических наименованиях облика здания; психическая сфера осмыслена и представлена метафорическими значениями слов, относящихся к группам «материальные параметры здания», «обстановка в доме», «строительство и ремонт дома»; метафорические номинации внутреннего членения здания, названия домов становятся источником образной интерпретации сферы межличностных отношений.

3. Каждый элемент поля является базой для осмысления действительности, пересекающегося с основными архетипическими понятиями «верха – низа», «далекого – близкого», «своего – чужого». Метафорические наименования демонстрируют амбивалентность отношения человека к «своему», «близкому».

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М.: Наука, 1988. С. 179.
2. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). М., 1965. 246 с.
3. Даль В. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1994.
4. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.
5. Национальный корпус языка. Режим доступа: <http://www.ruscorgora.ru>
6. Резанова З.И. Концептуальные метафорические модели «человек это мир» и «мир это человек»: К проблеме обратимости (на материале сибирских русских народных говоров) // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека. Томск: ТГУ, 2006. С. 287–295.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 июня 2008 г.